

М. М. Прохоров
(г. Нижний Новгород,
Россия)

«Религиозный поворот» на постсоветском пространстве

Вместе с радикальными переменами на постсоветском пространстве конца XX –начала XXI вв. можно говорить о происшедшем «религиозном повороте», имея в виду возросшую популярность религии, изменение её роли в жизни человека и мироздания. Постсоветское пространство накрыла сеть религиозных организаций, ведущих религиозную деятельность на основе соответствующего мировоззрения, которое проникает в самые различные сферы культуры, понимаемой как совокупность всех способов и результатов взаимодействия человека с окружающей его реальностью мироздания, как тотальный опыт освоения человеком мира и адаптации к нему, что свидетельствует об универсальном характере «религиозного поворота». Философская рефлексия явно отстаёт от происшедших перемен. На примере постсоветской России будут исследованы три важных фактора происшедшего «религиозного поворота».

1. Онтология знания и онтология веры

Отрицающие существование бога оппоненты религиозного мировоззрения, признавая *лишь* представление о боге, игнорируют, что верующий поступает так, *как если бы* бог существовал, вне зависимости от того, существует ли он. В подтверждение этого сошлусь на эпизод из детства всемирно известного логика, социолога и писателя А. А. Зиновьева. Его мать была человеком религиозным, и мальчик имел нательный крестик. В 1929 г. он пошёл в школу, в которой тогда регулярно проводился полный гигиенический осмотр детей, раздеваемых догола. Чтобы не стать объектом насмешек, он снял нательный крестик и выбросил его. Мать не стала его ругать, а пояснила

сыну, что наступили безбожные времена и не надо ломать голову, существует Бог или нет. Главное – жить так, как если бы Он существовал. Как будто какое-то Высшее существо «видит каждый твой поступок, читает каждую мысль, оценивает их, одобряет всё хорошее и осуждает всё плохое». Эта «презумпция, что...» предполагает наличие принципиального различия между онтологией знания и онтологией веры.

«Онтология знания означает, что нечто реально существует. Мы можем знать только то, что на самом деле есть. Сперва бытие, потом знание. Онтология веры прямо противоположна: сперва вера, потом бытие. Вера сама создаёт реальность. В отличие от знания, которое вторично по отношению к реальности, она первична по отношению к ней» [10, с. 17]. Это требует специального анализа религии, который подтверждает, что для неё достаточно *веры* в бога, что вера не имеет никаких иных оснований вообще. Здесь не нужна даже знаменитая формула Тертуллиана «верую, ибо абсурдно». Достаточно принятия «*презумпции верующего*»: верую без всяких «ибо». Как если бы верующий сам был Богом, нёс Его в себе, содержал Его в своей вере, которая *владеет* верующим. Здесь не верующий владеет верой, но, наоборот, вера владеет верующим. Это и есть вера в чистом виде, вера *itself* или вера «как таковая». Вера в *отд(е)алённого* от верующего Бога, предполагает *сомнение* в его бытии и, значит, нуждается в доказательстве Его с помощью знаний, следовательно, ведёт за пределы веры, будучи началом *отрицания* Бога. Оно именуется не теизмом, а атеизмом и может быть преодолено лишь самим Богом, если бы тот существовал. Ведь Бог не может верить в своё бытие, ибо не может относиться к себе, как к чему-то вне него самого; и в то же время Он не может не верить в своё существование, ибо существует.

Аналогом такого преодоления является вера *верующего в Бога*, владеющая человеком, овладевшая им «*презумпция верующего*». Такая вера-презумпция подобна чипу, что встраивается в мозг человека и управляет им. Только встраивается она не в мозг, а в его психику, сознание и мышление, которые признаются обычно *функцией* мозговой деятельности¹. Если бы она встраивалась прямо в нервную систему и в

¹ Отличие веры от познания здесь, очевидно, предполагает приёмы и средства суггестии, внушения, программирования. В познании человек выступает субъектом, вырабатывающим знание самостоятельно. Посредством программирования в него *закладывается* нечто, превращающее его в средство. Программа апплицируется на человеке, *средственным* образом опечатаывая-организуя его деятельность, суггестия выступает приёмом апплицирования [29, гл. 3]. Налицо коренная противоположность «гносеологического» и «технологического». Последнее предполагает «забвение

мозг, то веру в Бога можно было бы заподозрить не только у человека, но и у животных. Это свидетельствует о том, что вера как явление психики, сознания и мышления *связана* с мозговой деятельностью человека, но *не* *проистекает* из неё, хотя обычно считается, что для мышления достаточно головы, головной деятельности itself.

Психика, сознание и мышление *проистекают* из *развития* бытия, в конечном счёте – мира в целом, они *определяются* этим развитием. Не случайно говорят, что они суть продукты развития отражения как всеобщего свойства материи, высшие формы этого атрибута. Все они вторичны к материи, бытию, порождаются развитием *самого* бытия. Первично, следовательно, бытие, взятое в своём развитии. Возникая в результате развития бытия, материи разные формы отражения, в частности психика, сознание, мышление *порождаются* процессами развития, детерминированы, обусловлены ими. И, в свою очередь, они *являются* *внутренними* детерминантами таких процессов развития, обеспечивающими существование и *продолгацию* эволюционирующего бытия. Вне такого *контекста развития* отражение во всех его формах, включая психику, сознание, мышление, не могут быть *адекватно* поняты.

Ввиду важной роли психики, сознания, мышления как внутренних факторов эволюции бытия в целом нет никаких оснований заявлять о пассивности отражения вообще и этих его высших форм. Вторичность не означает пассивности отражения, психики, мышления. Развитие бытия порождает в этих формах отражения своего рода *инструмент* для своего дальнейшего существования. Хорошо известно, например, что психика играла и играет очень важную роль порождённого естественной эволюцией механизма самой эволюции, что она обеспечивает выживание организмов, приспособление их к окружающей природной среде. Без

бытия», о чём писал М. Хайдеггер, критикуя начатки технократического подхода у Платона и Аристотеля [41]. «Технологизм» можно продемонстрировать на человеческом средстве с программирующим его поведение «искусственным интеллектом» (для него – Высшим разумом), который не есть продукт познавательной деятельности *средства*, хотя последнее и существует в окружающем его бытии, ибо оно должно выполнять волю человека как субъекта. Именно в таком виде в средстве присутствует «сознание», которое принципиально отличается от «познавательного». Наконец, вспомним Сократа, что только знающий делает добро. Средство, «не знающий», добра (как и зла) не делает, хотя и выполняет волю «знающего», субъекта. Оно «принимает участие» в делании его не по своей воле. Остаётся перенести сказанное на отношение «Бог–Человек», что открывает возможность для «технологической интерпретации религии». В принципиальное отличие «гносеологического» и «технологического» уходит своими корнями средневековое учение о двух – религиозной и научной – истинах.

разнообразных форм отражения развитие бытия было бы невозможным. Без них невозможным было бы появление культуры, понимаемой как совокупность всех способов и результатов взаимодействия человека с окружающей его действительностью, как тотальный опыт освоения человеком мира в расширяющихся масштабах и адаптации к нему, важными элементами которой стали философия, наука, искусство и т. д.

Что касается сознания, мышления, то их возникновение было обусловлено восхождением материи на уровень социальной формы движения, которой они «принадлежат». Они порождены на этой стадии развития бытия и выступают внутренними детерминантами дальнейшей эволюции социальной материи. Психика, будучи «пересаженной» в социальную форму движения бытия, развивается, трансформируется в сознание и мышление, более сложные по сравнению с предшествующими формы отражения и «инструменты» дальнейшего развития бытия, обретшего человеческие формы своего существования. Фундаментальным тезисом, который ляжет в основу дальнейшего изложения, является идея, что, во-первых, собственно человеческая история представляет собой прогрессивно ускоряющийся процесс развития и вне этого понятия быть не может [26], во-вторых, динамика человеческой истории вписывается в более широкий контекст развития¹, в-третьих, и сама представляет более широкий контекст развития во всей его противоречивости.

Религиозная вера также появляется на этом уровне, она присуща социальной форме движения бытия, она предполагает образование технологии, производительных органов общественного человека, свидетельствующих об активном отношении человека к природе в непосредственном процессе производства его жизни, о её общественных условиях, связанных с разделением труда, появлением социального неравенства, власти и т. д. Отличие «естественной технологии» [22, с. 383] и человеческого «производства» выражается в различии истории животных и людей. Животные являются пассивными объектами своей истории, *принимаящими* в ней участие, т. е. без их ведома и желания. Люди же, чем дальше они удаляются от животных, тем больше делают свою историю сами, сознательно, а влияние на их историю

¹ «Хотя в третичном и четвертичном геологическом периодах развитие биосферы достигает максимальной ускоренности, мы все же можем человеческую социальную историю начинать как бы с нуля: ускорение продолжается, но оно возможно лишь благодаря тому, что в мире появляется эта новая, более высокая форма движения материи, при которой прежняя, биологические трансформации, уже может быть приравнена неподвижности. Да и в самом деле, Homo sapiens во время истории телесно уже не меняется» [29, с. 27–28].

неконтролируемых сил и непредвиденных обстоятельств уменьшается. Это выражается в нарастании *степени соответствия* получаемых ими результатов заранее поставленным целям.

Однако «соответствие» нельзя абсолютизировать. Оно дополняется *несоответствием*, сохранением преобладания непредвиденных последствий и неконтролируемых сил, приводимых в движение самим производством, «технологией» «борьбы за существование» (выживание), перенесённой из природы в общество «с удесятёрненной яростью», ибо *общественный* характер средств производства и продуктов оборачивается здесь *против самих производителей*. Он прокладывает себе путь как слепо действующий закон природы, насильственно и разрушительно, оставаясь *вне сферы познания* [44, с. 284–295, 358–359, 498–499], которое способно открыть, говоря вслед за Сократом, путь к добродетели. Согласно Сократу, добродетель не может быть выстроена на чем-либо ином, кроме знания. Богатство, власть и т. д. не могут быть по собственной природе благами как таковые, а если они ведомы невежеством, то способствуют злу наибольшему; если же управляемы познанием, наукой, то становятся благами наибольшими [32, с. 66]. Ведомые «технологией», «забвением бытия», они накладывают свою печать и на непосредственно *вплетённое* в них познание. Так, «вступая в общение, люди во всех сколько-нибудь сложных общественных формациях» *не познают* того, «какие общественные отношения при этом складываются, по каким законам они развиваются и т. д. Например, крестьянин, продавая хлеб, вступает в «общение» с мировыми производителями хлеба на всемирном рынке, но он не сознаёт этого, не сознаёт и того, какие общественные отношения складываются из обмена» [20, с. 342–343]¹.

На этой базе «технологии» формируется религиозная вера. Так, появляющиеся властные отношения, господство, предполагающее подчинение, находят выражение уже в мифологических представлениях о богах, доходят до использования термина Господь, например, к

¹ «Так как отдельные капиталисты занимаются производством и обменом ради непосредственной прибыли, то во внимание ими могут приниматься в первую очередь лишь ближайшие, наиболее непосредственные результаты. Когда отдельный фабрикант или купец продаёт изготовленный или закупленный им товар с обычной прибылью, то его это вполне удовлетворяет, и он совершенно не интересуется тем, что будет дальше с этим товаром и купившим его лицом», «с естественными последствиями этих самых действий», хотя они часто «оказываются» «совершенно противоположными» [44, с. 498–499]. Постсоветская Россия вернулась к «технологии», вернула власть «работодателя», действующего на основе описанного «сознания», отвергнув сознание «познавательное». Напомню, что познание ведёт к открытию и признанию бытия, технология – к «забвению бытия».

христианскому Богу. Они возвеличиваются, обожествляются и, подобно чипу, встраиваются в психику, сознание и мышление людей, выполняют функции социальной технологии, управляя их мышлением и поведением, что показывает анализ полемики Плутарха против теологии Эпикура. Именно в этом смысле в древности *был* властителем Молох. И Аполлон Дельфийский был *действительной силой* в жизни древних греков. Здесь даже критика противопоставившего талеры в уме талерам в кармане И. Канта ничего поделать не может. Ведь если кто-нибудь представляет себе, что обладает сотней талеров, и если он верит в это – то для него эти сто воображаемых талеров имеют такое же значение, как сто действительных талеров. Он, например, будет *делать долги на основании своей фантазии*. Человек будет *действовать так, как действовало всё человечество, делая долги за счёт своих богов*, существующих только в его воображении. А действительные талеры имеют такое же существование, как воображаемые боги. Разве действительный талер существует где-либо, кроме представления, правда, общего или, скорее, *общественного* представления людей? Правда, верующие веруют в *своего* бога, не признавая *чужого* бога, сомневаются в эффективности последнего. Поэтому если бы кто-нибудь принёс древним грекам какого-либо «вендского» бога, то он нашёл бы доказательства *несуществования* этого бога. Ведь *для греков* он не существовал. Они в него не верили.

Как видно, значение имеет *действенность* представлений в жизни человека и общества, как личностных, так и общественных: представление (= идеальное) принадлежит не только человеческой голове субъекта, но *в(ы)ходит* в *объективное* существование. Тот же, кто толкует идеальное исключительно как продукт человеческой головы и деятельности, не *в(ы)ходящий* в *объективное* существование, но замкнутый, пусть даже в узы культуры, воздвигает непроходимую стену между миром культуры и остальным бытием, бездушным, бессмысленным и страшным. Мир культуры лишается здесь своей укоренённости в *бесконечности неисчерпаемого бытия*, превосходящего любые человеческие возможности и предположения. Но мы вправе поставить простой, но фундаментальный вопрос: мир в целом существует в культуре или всё-таки культура, в которой мы обнаруживаем и веру в Бога, вся культура в целом существует в мире в целом? Идеальное, человеческое представление, вера *участвуют* в эволюции бытия с момента своего возникновения, как участвует в ней человек после своего появления в ходе развития бытия. Такую действительность философия не отрицает. Напротив, она требует учёта бытийного, в том числе

социально-исторического контекста существования, и действительности в них представлений.

Это требование распространяется и на «доказательства бытия Бога». Для человека, представляющего себе бытие мира случайным, неустойчивым и т. п. образом, его доказательство гласит: «Так как случайное имеет истинное бытие, то бог существует». Т. е. Бог есть «*гарантия* для случайного мира». Этим утверждается и обратное. Так, *онтологическое* доказательство сводится к следующему: «То, что я действительно (реально) представляю себе, есть *для меня* действительное представление», так как оно *действует* на меня. Именно в этом смысле *все боги*, как языческие, так и христианские, обладали действительным существованием. Ведь религия есть «живая вера в живого бога». И всё же весьма *образованный* для своего времени латинский автор начала IV века Арнобий в своих «Семи книгах против язычников» *убедительно* показывает, что мифологические боги на самом деле богами не являются, что *только* христиане чтут *истинного*, т. е. сверхъестественного Бога, Творца человека с его сознанием и со всей объективной реальностью окружающего его мира.

Арнобий проводит *скрупулёзный гносеологический, познавательный* анализ представлений о богах в мифах, чтобы *отделить* мифы от христианской религии. Язычник в прошлом, Арнобий был заморожен Единым богом христиан, Его всемогуществом и совершенством, порывавшим с ограниченными возможностями растворённых в объективно-реальном мироздании языческих богов. Поэтому он принял христианство и указал на технологическую *несоизмеримость* языческих богов и Бога христиан. Он указал на разные способы и средства достижения власти и контроля над окружающим мирозданием в мифе и в религии: абсолютные, сверхъестественно-фантастические в христианстве и относительные, по земному ограниченные в язычестве. Языческие боги, убеждён Арнобий, «нечто совершенно другое и должны быть отделяемы от понятия этого имени и могущества; такова сущность дела, пункт, вокруг которого всё вращается», «основной вопрос», разделяющий истинную религию от язычества [2, с. 360–361]. Мифологических «богов» и Бога христианской религии Арнобий относит к *разным* категориям.

Первые не имеют сверхъестественного характера и способностей всемогущества. Они суть продукты человеческой фантазии, измышления самих людей. Связанные с ними *чудеса* на поверку демонстрируют, подчеркивает апологет христианства, «вполне естественный характер», их способ деятельности, технология просто «имеет вид чудесного или, лучше сказать, признаётся таковым» [2, с. 362–363]. Они лишены

технологического всемогущества, укоренены в окружающей природе, ограничены природой, не трансцендентны ей. Они *не противостоят* миру природы, людей и героев, а *растворены* в объективной реальности, не трансцендентны ей, будучи её *фантастическим* продолжением. Это выражается в признании полубожественности людей-героев, от которых они отличаются по степени, а не принципиальным образом; языческие боги не способны осуществлять сверхъестественные и потому *необъяснимые* чудеса. Как правило, они узко специализированы в том или ином виде деятельности, что соответствует разделению труда у людей: «Вы включили в число богов Либера (Диониса, Вакха) за открытие (технологии – М. П.) вина, Цереру – хлеба, Эскулапа – трав, Минерву – (за технологию посадки) масличного дерева, Триптолема – (за изобретение) плуга (сын элевсинского царя Келея Триптолем считался изобретателем плуга и распространителем земледелия и связанной с ним культуры, технологии – М. П.), наконец, Геркулеса – за то, что он преодолел и укротил диких зверей, воров и многоголовых змей» [2, с. 146]. Ни один из этих «богов» не имеет признаков Единого бога христиан как сверхъестественного Субъекта всевозможных способов деятельности, *потустороннего* Творца всего объективно существующего.

Арнобий демонстрирует нам, как технология в религии *отрывается* от человека и представляется *сверхъестественной* деятельностью Бога, Творца всего. В ней естественный мир не признаётся за высшее. В ранг священного, истинного бытия возводится технология, человеческий труд, но в превращённой форме сверхъестественной деятельности Бога. Земным основанием для этого обожествления оказывается то, что, как отмечал уже предшественник трудовой теории стоимости Адама Смита Дж. Локк, на «девяносто девять сотых все полезные человеку вещи обязаны своим происхождением его труду, а не природе» [21, с. 134].

Человек и всё мироздание признаются существующими не иначе, как в контексте *сверхъестественной* технологии, превращённой формы обожествлённого труда. Религия претендует на «легитимацию», оправдание труда, технологии – путём возведения их из естественного в сверхъестественное. Только она, согласно верующим, придаёт *законность* труду, как если бы без этого оснащения-освящения, без Бога он не существовал и не существует. Арнобий требует поэтому от язычников, чтобы они *сами* доказали, что кроме *сверхъестественного* Бога христиан «существуют другие боги по природе, силе и имени, не в образах представленные, которые мы видим, а в том существе, относительно которого следует признать, что им должна обладать сила столь великого имени» [2, с. 222–223]. Однако существует ли *на самом*

деле Бог во всей его сверхъестественности, этого Арнобий тоже не доказывает. Здесь он изменяет *познавательной* установке, с какой подходил к мифологическим представлениям «язычников», ограничивается простой *декларацией*, свидетельствующей, что он сам уже *запрограммирован* религией христианства.

Следовательно, к его доводам в защиту *христианской* религии «против язычников» применимы *все* те претензии, аргументы, которые он сам – *вполне разумно* – предъявляет к древнегреческой мифологии, к её богам, когда сомневается в их *реальном* существовании за пределами *представлений и требует от язычников доказательств их существования*, т. е. требует *гносеологического* отношения к ним со стороны «язычников». Мы также вправе усомниться в существовании сверхъестественного Творца, потустороннего объективной реальности, потребовать *разумных* доказательств Его существования у Арнобия и других поборников нового религиозного мировоззрения. И тогда оказывается, что «*чем какая-либо определённая страна является для иноземных богов, тем страна разума (познания – М. П.) является для бога вообще – областью, где его существование прекращается*» [23, с. 98]. Так обнаруживается *противоположность* религиозного вероучения разуму с его философско-гносеологической верой: «Философско-гносеологическая вера **принципиально отлична** (выделено мной – М. П.) от религиозной авторитарно-догматической веры <...>, черпаемой в Священном Писании» [35].

2. Противоречивость развития и религиозная вера

Хотя обыкновенно считают, как отмечалось, что имеющий голову человек мыслит, наличия головы для подлинного мышления недостаточно, ибо не менее важно учесть связь мышления с развитием, к которому оно «прикреплено», подобно дипломату той или иной страны, которую он *представляет*. Как известно, развитие есть единство прогресса и регресса при ведущей роли восходящей, прогрессивной тенденции, что обеспечивается стихийным механизмом (согласно теории естественной эволюции) или сознательно организованной деятельностью людей. Следовательно, это положение распространяется на биологическое и на социальное развитие. Мышление «скреплено» с прогрессом, восхождением. Оно – порождение восходящей ветви бытийного развития в целом и социального развития в частности, возникает в контексте прогресса, *порождается* процессами восхождения, запечатлевает в себе его особенности и, в свою очередь, является *внутренним* детерминантом этих процессов, способствующим

дальнейшему восхождению бытия, выступает «инструментом» восхождения. Напротив, в контексте деградации бытия в целом и социального бытия в частности происходит деградация, вырождение и мышления, в котором начинают доминировать разного рода уловки, интеллектуальное мошенничество, софизмы, подделки и подделки [34, с. 7–8]. Происходит вырождение мышления, возникает *симулирование* мышления. Мышление и его симулирование – альтернативные *инструменты*, которые порождаются и используются прогрессом и регрессом, восхождением и нисхождением [31, с. 111–114].

Религия по своей сущности скреплена с процессами деградации, представляя технологию нисходящей ветви эволюции. Сущностная связь религии с нисходящей ветвью эволюции пронизывает всю её историю, проявляясь и в современной России, что видно, например, из заявлений иерархов разных церквей «не строить рай на земле», но содействовать тому, чтобы жизнь на земле окончательно не превратилась в ад. Об этом говорится и в «Основах социальной концепции Русской православной церкви». Они вполне идентичны частично подзабытым признаниям реформаторов России: «Мы не можем выбирать между плохим и хорошим, мы вынуждены выбирать между плохим и ещё более плохим». Согласно С. Л. Франку, лучше вообще ничего не делать, чем пытаться изменить мир к лучшему, ибо мир лучше всё равно не станет [39, с. 189, 515, 524]. Согласно С. Кьеркегору, «христианство создаёт людей, сила которых заключается в слабости», а «вера не выступает итогом последовательного научного рассуждения <...>. Тому, кто верит в Бога и в Провидение, гораздо легче сохранить свою веру, гораздо легче обрести истинную веру, а не какую-либо иллюзию, пока он пребывает в *несовершенном* мире... В совершенном мире вера была бы невозможной <...>» [19, с. 44, 635]. Он предлагает «со смехом» вспомнить «некоего Дон Кихота», рыцаря, который «возможно, в качестве расплаты за желание стать всемирно-исторической фигурой – повсюду подвергался преследованиям злого духа, который всё ему портил <...>. Ибо только глупые школьные учителя и такие же глупые гении совершают ошибки, искренне поверив, что сами они и делают всё» [19, с. 154].

Подобная позиция является типичной. В её духе высказывается ныне действующий патриарх РПЦ МП Кирилл, выступающий с резкой критикой попыток социалистического переустройства общества как превышающих возможности человека и вступающих в противоречие с заповедями Бога. По этой причине, проистекающей из сущности религии, построения прогрессивного толка представителей русской религиозной философии официальная церковь традиционно рассматривает как еретические. Это отмечают все крупные специалисты в

области истории философии. Подтверждением являются и многочисленные примеры того, когда отдельный человек, оказавшись на краю гибели, смерти и т. п. ситуаций крайнего неблагополучия, даёт обет *уверовать* в Бога, если он выживет и т. п. Как писал С. Л. Франк, «свет во тьме светит» [40, с. 468].

Религия выступает за смягчение существующего общественного антагонизма, а церковь стремится организовать помощь людям, попавшим в особенно тяжёлые условия жизни. Для этого она запускает механизмы милосердия, обращается к общечеловеческим нормам нравственности и т. п. Всё это достаточно очевидно и известно. Менее очевидно то, что делается это, чтобы *сохранить* сам общественный антагонизм, пролонгировать существование такого общества *в его принципе*, лишь смягчая его. Смягчая, чтобы сохранить. Сохраняя, смягчить. Иначе не сохранить, из-за возможного социального взрыва, к устраниению которого причастна религия. В этом состоит тайна религиозной технологии. Она обнаруживает себя уже в учении Конфуция.

Согласно С. Л. Франку, «этим определён долг *христианской активности* в мире – и самый смысл этой активности. Общая тенденция нашего размышления может легко встретить упрёк, что, намечая границы человеческого стремления к осуществлению правды и добра в мире, обличая, как неосуществимые и губительные иллюзии, некоторые заветные упования человеческого сердца, мы ослабляем импульс к нравственной активности и содействуем распространению нравственной пассивности <...>. Таков, по-видимому, скрытый волевой мотив, лежащий в основе веры профанного гуманизма во всемогущество начал добра и разума в человеческой природе», расцениваемого им как «свидетельство некоего болезненного духовного состояния современного человечества», которое «противоречит самому онтологическому составу бытия» [40, с. 468–469], в котором, получается, доминирует негативная диалектика вырождения, деградации, нисхождения. Впрочем, в наше время об этом пишут многие мыслители, вполне открыто провозглашая «конец истории», «конец метафизики» (= философии) и т. п.

Таким образом, разрастание религии в постсоветской России – свидетель и показатель её *неблагополучия*¹, которое религия сглаживает, гармонизируя в какой-то мере взаимоотношения между людьми. В этом состоит её *относительно* позитивное значение в *негативной* диалектике общества, где она призывает богатых, например, оказывать

¹ В этом отношении разросшаяся «сеть религии» можно сравнить с разросшейся, распухшей в постсоветской России сетью аптек, свидетельствующей о крайнем неблагополучии со здоровьем граждан.

благотворительную помощь бедным, а бедных – к терпению, обещая за это рай «на том свете». *Сглаживание* имеет целью сохранить сами конфликтные, антагонистичные отношения между людьми, что не позволяет просто положительно оценивать религию, ибо она способствует сохранению в целом, извините, *несправедливых* форм жизни, хотя, будучи технологией нисходящей ветви, религия выступает за смягчение общественного антагонизма, и потому нет оснований и для однозначной негативной оценки религии и церкви.

Обращение к обсуждению вопроса о месте и роли религии в современной России выявляет отличие предлагаемой здесь «технологической интерпретации» от расхожих мнений о ней. Их диапазон необычайно широк, обозначились и крайние позиции. «Одни утверждают, что религия и церковь – это источник всякого добра, наш духовный воспитатель, важнейший ориентир и идеал. Поэтому они должны быть широко представлены в любом сегменте общественной жизни. Другие, наоборот, предлагают свести присутствие религии и церкви к необходимому минимуму, более того, привлечь к судебной ответственности религиозных деятелей всех рангов за серьёзное мошенничество, за обман огромных масс людей» [7, с.146]. Но о мнениях, как и о вкусах, не имеет смысла спорить. Упомянем мнение верующих и представителей церкви, что о религии может рассуждать только верующий, что неверующий не способен не исказить суть религии.

Для научного исследования нет запретов. Но к ним есть требование, вытекающее из критериев научности. Преодолевая мнения, оно должно основываться на фактических и теоретических доказательствах, быть обоснованным, «эпистемным» знанием. И оно преодолевает оба приведённых крайних мнения, укореняя религию в нисходящей ветви эволюции. Именно в условиях нисхождения создавались и создаются новые религии и культы, будь то культ Иисуса Христа, религиозные концепции христианства, ислам или современная религия сайентологов. Пока жизнь людей протекает в форме антагонизмов, церковь, религия, религиозное мировоззрение и образование останутся непреодолимыми. Они не могут быть уничтожены, как показывает и советский опыт, каким-либо насильственным способом. Но если эти антагонизмы, несправедливые формы человеческой жизни уйдут из неё, то вместе с ними уйдут церкви, религия, религиозное мировоззрение и образование.

За религиозными учениями стоят сотни, а за мировыми религиями – миллиарды верующих людей по всему миру. Поэтому религиозные деятели *выдают* свои учения за высшее достижение человеческой мысли

и объявляют их вечными истинами, не подлежащими никаким сомнениям, считая себя проводниками божественной воли. Это – огромнейшая социальная, экономическая, политическая и духовная сила, располагая которой церковь приобретает огромную власть в мире и в отдельных странах, включая власть политическую, существенно влияя на самые разные области общественной жизни. Она используется для пропаганды, защиты и разработки религиозных учений. Церковь вряд ли добровольно примирится с утратой своих сторонников и того положения, которое она занимала и занимает в обществе. Не случайно религию называют «государством в государстве». Подобно Протею, оно способно менять свой вид, в собственных интересах использовать всё и вся, не ограничиваясь адаптацией к государству. Та или иная господствующая религия и церковь запрещает в государстве другую веру, не говоря уже о противодействии тем формам человеческой деятельности и сознания, что подрывают религиозные учения самими своими достижениями. Ярким примером этому служит наука и отношение к ней религии и религиозного мировоззрения. В современной России традиционные религии активно выступают против тех, кого они называют сектантами, притесняют и порочат последних, используя мощь и помощь государства.

В Средние века инквизиция уничтожала инакомыслящих еретиков с их ересями, учёных за их «богопротивные» теории, пуская в ход костры, распиная на крестах, отрубая головы, отрезая языки своим оппонентам. Позже она прибегала к более «цивилизованным» методам – предавая анафеме, отлучая от веры, запрещая научные исследования и т. д. Под давлением наступающей цивилизации, науки и культуры она была вынуждена модернизировать содержание своих учений, приспособить их к этим достижениям человечества, использовать новые формы. Она нередко заимствует их из самих достижений человеческой культуры, чтобы повысить собственную привлекательность, отказываясь от явно насильственных методов внедрения религиозных идей в головы людей. Но когда дело касается стратегии церкви по отношению к своим противникам, её представители не церемонятся и не прибегают к «толерантности». Современный её поборник, бывший в прошлом представителем «научного атеизма» диакон Андрей Кураев, близкий руководящим кругам РПЦ, напоминает «рекомендации» причисленного к лику святых Фомы Аквинского: «Ересь есть ересь, за которую виноватый не только должен быть отлучён от церкви, но и изъят из мира смертью. Если еретик упорствует в своём заблуждении, то церковь, потеряв надежду на его спасение, должна заботиться о спасении душ других людей и отсесть его от себя путём отлучения. А затем она представляет его светскому суду, дабы он изгонял его из этого мира

смертью» [18, с. 85]. Таким образом, её представители, как видно, «умывают руки».

Церковь в России *воспользовалась* деградационными процессами и стала всемерно укреплять свои позиции в обществе, а государственная власть широко стала использовать религию, частично компенсируя этим отсутствие чёткой идеологии. В разы возросло число прихожан в храмах. Даже бывшие воинствующие атеисты сделали глубоко верующими людьми. Среди них оказались и учёные: физики, биологии, математики, философы и прочие, которые заговорили о Боге как Вселенском, Общеземном Разуме или как Высшей Нравственности, существующей «где-то там» [7, с. 149]. И хотя многие уже поняли, что церковь и религия зашли слишком далеко, что пора остановиться, но этого не происходит. Как видно, слишком далеко зашло в нашей стране нисхождение, вырождение, деградация, которые выступают для неё питательной базой. «Неблагополучие» слишком глубоко укоренилось в жизни постсоветского пространства и в постсоветской России.

Церковь и религия берут в России всё новые высоты, а наука, образование, культура всё более деградируют. Начиная с 90-х годов свёрнуты многие космические программы, прекращены и не финансируются важнейшие научно-исследовательские работы, например, международный проект «Геном человека»; развалились десятки отраслевых научно-исследовательских институтов; более 500 тысяч учёных и научных работников уехали за рубеж; полностью загублены перспективные биотехнологии; запустело строительство новых машин, станков, самолётов, кораблей и пр. Уже можно говорить не просто о серьёзном отставании нашей науки и техники от мирового уровня, а об их катастрофическом состоянии, угрожающем самому сохранению России. Закрывают общеобразовательные школы, особенно в сельской местности; по данным Департамента школьного образования в России только за период с 2001 по 2007 гг. число средних школ сократилось на 7 тысяч – с 65 до 58 тысяч. Сотни тысяч юных граждан страны пополняют ряды не только беспризорников (их рост сопоставим с периодом Гражданской войны XX в.), но и преступников, 2–4 млн. детей не посещают школу. Угрожающим стало состояние с лекарствами, часть которых подменяется фальсификатами, за что люди расплачиваются не только деньгами, но здоровьем, а порой и жизнью. А ведь это есть *преступление против человечности*, допускаемое государством. Аналогичной является картина с продуктами питания. Такова же картина в области экономической жизни, в других сферах. Надо ли удивляться тому, что значительно сокращается народонаселение России, а специалисты говорят о её вымирании. Смертность трудоспособного

населения возросла на 25 %, рождаемость сократилась в 1,8 раза. Россияне расколоты на экономические классы богатых, обеспеченных и бедных, между которыми сохраняется временное равновесие, обусловленное пассивностью и неорганизованностью трудящихся в гражданское общество, как и активностью, организованностью в государство и в коррупционное сообщество господствующего класса, который через интеллигенцию и бюрократию осуществляет своё влияние на другие классы людей. В обществе преобладает *нисходящая* социальная мобильность. Правящая «элита» из образованных, ограниченных, жёстких, корыстолюбивых, клановых, циничных, коррумпированных людей, в большинстве выходцев из советских силовых структур, понимает опасность гражданского общества за его способность ограничить её власть и богатство. Она хотела бы превращения России в великую державу, а в её народе видит «ресурс» своего величия. Интересами всего правящего класса является сохранение и укрепление своей власти и богатства, возрождение могучей державы, формирование общества массового потребления с редуцированной политической и духовной жизнью и т. п. Этот класс и делает ставку на поддержку церкви и религии, которые, в свою очередь, поддерживают его. По шкале «бедные–богатые» страна делится на: богатые (правящая элита) – 1 % населения, богатые (правящий класс) – 4 %, обеспеченные (средний класс из интеллигенции, бюрократии, предпринимателей) – 35 %, малообеспеченные (пенсионеры, бюрократия, трудящиеся) – 25 %, бедные (пенсионеры, интеллигенция, рабочие, крестьяне) – 34 % [38]. Два последние класса вместе составляют 59 % населения. Такова бытийная «база», на которой и происходит разрастание церкви, религии, религиозного мировоззрения и образования.

Для многих людей, попавших в очень трудные условия жизни, церковь, религия, религиозное мировоззрение и образование представляются той «соломинкой», за которую они стремятся ухватиться, чтобы выжить, остаться на плаву. Как известно, за «соломинку» хватается *утопающий*. Другое дело, способна ли «соломинка» выступить в роли спасителя, хотя именно в таком качестве церковь, религия, религиозное мировоззрение и образование проникают во все сферы личной и общественной жизни, предлагая свои «рецепты» и технологии. Понятно, что в подобных ситуациях идея (= «вера в», «презумпция, что», «чип») высокого покровителя, всесильного и всемогущего существа, всегда готового прийти на помощь, весьма притягательна, «греет душу».

Это объясняет то, почему именно религиозные идеи о сверхъестественном существе зажигали, сплывали и объединяли людей. С верой в то, что «с нами Бог», люди шли и идут на смерть,

совершали героические поступки. Уже в эпоху междоусобных гражданских войн Римской империи III–IV вв. н.э. фанатичные, так называемые «пассионарные» христиане одерживали победы над инертными язычниками: «Дело в том, – объясняет Л. Н. Гумилёв, – что те христиане, которые служили в войсках, знали, что это их война, что они идут за своё дело, и сражались с удвоенным рвением, то есть они сражались не только как солдаты, но и как сторонники той партии, которую они защищали. Овладевшая их умами идея толкала их на смерть» [8, с. 105].

В экстремальных условиях нисходящей ветви эволюции церковь, религия, религиозное мировоззрение и образование оставались, казалось *утопающим*, единственным спасительным средством решения проблем, которые, якобы, «не могут быть» решены *иным* способом. Повторю: так попавший в отчаянные условия человек хватается за соломинку. Чтобы спастись, выжить. Но поможет ли такая «соломинка» или окажется имитацией, симулякром, каким нередко выступают вера и мысли верующих в то, что если они совершат, например, «крестный ход», то пойдёт долгожданный дождь, ибо Господь всё видит, всё слышит, всё знает, обо всех печётся, обязательно поможет, никого не оставит в беде (при этом возможно и отмечаемое исследователями *убывание* религиозности в сознании современного общества, *подстёгивающее* активность религиозных деятелей).

Сегодня подобное богоискательство снова получает распространение. Так, в учебнике «Родная речь» для 4 класса [33] в раздел «устное народное творчество» включено «Житие Сергия Радонежского», хотя это произведение *не относится* к «устному народному творчеству». В одном из сюжетов «Жития» говорится, что в детстве ему «не давалось» чтение. Священник посоветовал ему помолиться Богу, чтобы ему «было дано» чтение. И оно ему «было дано». Получается, что *не имеют большого значения* ни самостоятельные усилия, труд ребёнка, ни знания, умения и навыки учителя. Главное значение имеют молитва и чудо. Ведь через них мальчику, получается, «было дано» чтение. Сюжет сомнителен как в нравственном, так и в воспитательном отношении, хотя и типичен для тех, кто встраивает этот «чип» в сознание детей, сам верит в религиозное «чудо». Для того же четвёртого класса *светской* школы от имени НИРО (Нижегородский институт развития образования) предлагается, как сообщается в аннотации, «Учебное пособие по литературному чтению» [25]. На проверку оно является не учебным пособием по чтению, а самой обычной *пропагандой* религии с её «чудесами» и праздниками, *внушает* их детям, нарушает действующую в России Конституцию и права человека,

прибегает к суггестии. Такое «чтение» в школы вводится на правах обязательного, «факультативного» (=регионального) компонента, свидетельствуя о *насильственности*, суггестивном «распространении» религии в светском государстве. Насилие применяется к детям 10 лет, живущим в этот период детства в мире фантазии, игры. Насилие *разрушает* самый способ детской жизнедеятельности.

Богоискательство встречается в философской и эстетической литературе. Так, порой утверждается, что подлинное значение христианской идеи Бога раскрывается именно в эстетике [24]. Речь идёт о православии как разновидности христианства. Потенциал идеи Бога предлагается осмысливать на уровне *трагического*, которое интерпретируется, во-первых, как конфликт, раздвоенность души в результате противопоставления Духа (неба) и тела (земли) и, во-вторых, как источник эстетического (художественного) творчества, основной целью которого является порождение души в красоте, самоутверждение человека на уровне *возвышенно-прекрасного*. Значимость идеи Бога в православии называется эстетической закономерностью. От рассмотрения социально-философских аспектов автор уходит, отказываясь *путать* эстетический анализ с социально-философским, доводя дело до разрыва с ним. Одновременно утверждается союз эстетики с религией, в котором последняя начинает диктовать эстетике свои условия, что оборачивается отрыванием эстетики от социальности и социальной философии со ссылкой на то, что «эстетика не есть социальная философия».

Думается, что если в эстетике есть религиозный аспект, то не менее важен для неё и социальный «аспект», т.е. «обращенность» к социальной тематике. В противном случае «дух», как высшая форма сознания, мышления, *отрывается* от развития социальности. Впрочем, такой подход давно известен – Н. А. Бердяев утверждал: «Реальность духа имеет иной генезис, это реальность <...> от Бога» [3, с. 366]. Бог не создаёт природу как причина – следствие, а придаёт ей ценность, приобщает личность к Истине, Добру и Красоте, т.е. носит *аксиологический* характер. Поэтому дух наполняет личность «сверхличным содержанием» [3, с. 370], «есть *божественный* элемент в человеке» [3, с. 379]. Тогда социальности как таковой вольно или невольно *приписывается* мнимое бытие или **«корень ложного существования»**. В. С. Соловьёв видел его «в непроницаемости», во «взаимном исключении существ друг другом» [36, с. 544]. Этим в *принципе* исключается переход – в рамках социальной действительности – от антагонистических отношений к гармоническим, соборным, ибо «то, что лежит в основе нашего мира, есть бытие в состоянии распада, бытие

раздробленное, на исключают друг друга части и моменты» [36, с. 541]. Такова социальность [5], и чтобы преодолеть этот корень «ложного существования» вы должны встать в ряды богоискателей и богостроителей, пополнить ряды носителей религиозного мировоззрения.

Скорее здесь требуется исследование «ложного существования», «мнимого бытия» и иррационализма. В сфере социальной истории культуры иррационализм отказался от *веры в разум* и от преобразования действительности на разумных началах, т. е. путём воплощения в ней всего того, что есть разумного в голове человека в плане её совершенствования в интересах большинства людей. Иррационализм критикует рационалистические идеалы Просвещения; сторонники рационализма такой переход объясняют тем, что буржуазия перестала быть восходящим, прогрессивным классом, перешла на позиции реакции. Религия привычно апеллирует к *сверхразумности* Бога, потустороннего или трансцендентного объективно-реальному миру, – в фантазии лишаемому способности путем развития достигать более совершенных состояний. Под влиянием божественного «начала» якобы свершаются все события в природе, происходит история. На этой основе религия претендует отрицать эволюционную теорию, требуя связать происхождение человека с Богом, стремясь утвердить мысль о неразумности теории естественной эволюции, если принимается идея её самодостаточности. Однородные с религией позиции занимает идеализм в философии. Философия постмодернизма подхватывает такой подход, говорит о трансгрессии за пределы объективной реальности.

Обращаясь к *иррационализму*, К. Маркс нашёл для этого термина место, когда говорил о *превращённом* характере *преходящих форм*, в которых при *определённых* социальных условиях проявляют себя *сущностные (глубинные)* связи в экономике, культуре и т. д. Причём если с позиций научного познания такие «превращённые формы», видимость или кажимость является *воспроизведением* предмета в виде представления о нём, то в исторической действительности подобное «представление» является вполне *реальной силой, важной частью* самого исторического движения. Как видно, позиция К. Маркса противоположна позиции иррационализма, носители которого говорят об особых и извечных, лежащих якобы в основе человеческого духа, мышления, да и самого бытия, *противо-разумных* силах.

В современную эпоху разрастание *слоя* мнимого бытия нашло своеобразное отражение в работах постмодернистов. Ж. Деррида утверждает, что К. Маркс перешёл от гегелевского положения «всё существующее-действительное разумно, все разумное существует-дейст-

вительно» к утверждению, что «неразумное не существует, точнее, его существование неистинно, и потому оно может и должно быть прекращено». Причём Ж. Деррида видит у К. Маркса *противоречие* в том, что менять предстояло то, что никак, согласно самому Марксу, нельзя было признать *реальным*, истинным существованием – химерическое общество, иллюзорное бытование огромного множества призраков, основной из которых – деньги – задавал тон «всей этой фантазмагии» [9, с. 630]. Ж. Деррида полагает, что «утопия» К. Маркса построена средствами разума как «великого обманщика» Ф. Ницше, что она вовлекла в свой «проект» всех живших, живущих и тех, кто ещё не родился, «на многие поколения вперед». А ведь интеллектуалы стали выступать против *мнимого бытия* уже в древности, например, Аристотель обратил внимание на абсолютизацию финансовой деятельности, которая из обслуживающей «надстройки» возводит себя в основание жизни людей. Это явление Аристотель назвал хрематистикой. И Гегель, указывая на многослойность бытия, писал о случаях, когда над первым создаётся второй, отделяя себя от первого, как низшего и используемого им в своих интересах, что порождает новое положение первого, основного, уже как «в себе ничтожного» [6, с. 397].

Понятно, что реальные достижения и неудачи людей постепенно подрывали и подрывают религиозные устои, опрокидывали и опрокидывают религиозные учения о мироздании в целом и месте в нём человека, зарождали и зарождают сомнения у многих людей в истинности религиозного мировоззрения, вели и ведут к отказу от него (включая обучающихся или обучавшихся в духовных учебных заведениях). Ведь практика выше духовного и всякого чисто теоретического представления. Она имеет достоинство не только всеобщности, но и непосредственной действительности, тогда как религиозное мировоззрение не зря признается духовным вероучением, обращённым к *потустороннему*. Критерий практики, при всей его значимости, *относителен*, не решает окончательно и сразу всех человеческих проблем, а *оставляет* «свободную» территорию, в том числе для религии, религиозного мировоззрения и образования. Всё же она *исторически* развивается и отвоёвывает у религии и религиозного мировоззрения всё новые пространства, на которых появляется возможность отличать симулякры мысли от подлинного мышления. Правда, в том случае, если практика действительно ведёт в будущее, наполнена «восхождением». А в условиях крайнего неблагополучия человек готов утешаться этой недетской сказкой религии, обманываться, верить Слову-симулякру, который внедряется в сознание как «чип», управляющий его поведением и *подправляющий* его мышление. Тогда

человек испытывает потребность в добром, пусть и виртуальном, всё понимающем, всё знающем, всё прощающем существе, способном, кажется, прийти на помощь, наказать обидчика и простить тебя, что бы ты ни натворил. Всякий грех, сколь бы тяжким он ни был, можно, оказывается, отомстить и освободить таким образом свою совесть от тяжести содеянного. Предоставляя человеку возможность морально освободиться от таких грехов, религия дарит ему успокоение, вселяя надежду на будущее, пусть и в потустороннем мире, следовательно, играет *психотерапевтическую* роль в условиях, где и когда общество *не оказывает* такой помощи в иной форме, как в постсоветской России, где, например, положение медицинского обслуживания населения находится в катастрофическом состоянии. Религия замещает такое обслуживание, как она заменяет или пытается заменить отсутствующую идеологию.

Здесь её позитивное значение прямо смыкается с отрицательным, переливается в него, создавая иллюзию ненужности идеологии (как и медицины). Церковь, религия, религиозное мировоззрение и образование, подменяя собой в условиях неблагополучия разумные средства и технологии, всегда мешали и продолжают мешать процессу восхождения, ссылаясь на неисповедимость путей, вытекающих из божественного промысла, противостоят действительно положительному решению множества назревших проблем жизни, начиная с процесса их разумного постижения.

Мера распространения религии и религиозного мировоззрения зависит от конкретно-исторических особенностей развития человечества; она была, есть и будет то суживаема, то расширяема – в зависимости от меры неблагополучия, деградации, нисхождения. Как говорилось, отсутствие ясной идеологии, которая должна содержать стратегию развития в будущее с указанием главной цели и задач восхождения, как и реальных средств их достижения, компенсируется расширением симулятивных представлений со стороны религиозных деятелей. В таких условиях *не может* соблюдаться принцип отделения церкви от государства (искусства, науки и т. д.). Церковь стремится и получает функции «государства в государстве» в буквальном смысле слова от самого государства¹. Мы наблюдаем это в современной РФ, вопреки её собственной Конституции. Поскольку в обществе, на всех его уровнях,

¹ Аналогичным образом она может получить функции «науки в науке», когда её кладут в основание самого научного познания, отрицая возможность фальсификации «богооткровенных истин», например, возможность их отсечения научными экспериментами. В сфере морали это приводит к попыткам выведения нравственности из религии, узурпирующей как свою собственность общечеловеческие нормы. Это приводит к утрате ими своей самостоятельности, самодостаточности.

ослаблены внимание к позитивным достижениям цивилизации, учёту переживаемых трудностей и неудач, которые должны осмысливаться и разрешаться *разумно*, то этим же процессом открывается сфера распространения церкви, религии, религиозного мировоззрения и образования, проникновения их во все поры общественной и личной жизни. Ныне государственные каналы телевидения и радиовещания России превращаются в моленные дома, где симулируются принципиальные решения назревших проблем, когда дело ограничивается «косметическим» латанием дыр, например, показательным «примирением» конфликтов между сверхбогатыми олигархами и ограбленными ими «массами» в результате проведённых преобразований в стране в ходе шоковой терапии.

Именно в эти, *реальные* отношения вбрасываются нравственные максимы «не убий», «не укради» и другие. Они, вольно или невольно, *охраняют* чрезмерное социальное неравенство богатых и бедных. В них ведь вбрасывается «заповедь» «Да любите друг друга» из «Основ социальной концепции Русской православной церкви» (VII.1) [1]. Согласно «Основам», «отторжение и передел собственности с попранием прав её законных владельцев не могут быть одобрены Церковью» (VII.3). Но в «Основах» ничего не говорится о таком «попрании прав» и отторжении собственности у ограбленного в годы «перестройки» народа, без всякой «компенсации», которые нельзя назвать «законными». Как ничего не говорится и о том, что, как писал ректор Гуманитарного университета профсоюзов в Санкт-Петербурге А. С. Запесоцкий, «в 90-е годы господствующей в России верхушке оказалось совершенно необходимым разрушить традиционную для страны нравственность. Ведь при её наличии разворовать государственную собственность было бы невозможно» В результате страна получила в «довесок» к уродливой экономической системе ещё и поколение молодежи «с деформированной картиной мира, где царят культ наживы, бессовестности и презрения к труду» [12, с. 122]. Упомянутые события сыграли судьбоносную роль в жизни нашей страны, развитие которой оказалось направленным в русло нисхождения, что обойдено важнейшим документом почти государственной церкви в постсоветской России.

В «Основах» приводятся слова Иисуса Христа – «удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Божие (Мф. 19, 21), – которые тут же *дезавуируются* следующим за ними «*уточнением* евангелиста Марка» (Мк. 10, 24), как и *заявлением*, что «и богатый может спастись», ибо «невозможное человеку возможно Богу» (Лк. 18, 27). Можно согласиться, думается, с теми, кто утверждает, что «нам нужен не пресловутый „средний класс“, а класс мыслящих людей»

как «истинная опора страны» [11, с. 13]. Постсоветская Россия потеряла такой «класс» в *критический момент* своей истории, когда началось старение народа, сокращение его численности; когда из трудоспособного возраста выбывает многочисленное послевоенное поколение, а приходят неуклонно убывающие по численности поколения последних советских десятилетий и постсоветской эпохи. Скоро количество пенсионеров превысит 50 % населения, а к 2050 г., по данным Института социально-политических исследований РАН, в России останется лишь 83 млн. (по Госкомстату – 101,9 млн.) наших граждан и их потомков. Такой народ окажется не в силах справиться даже с задачами простого жизнеобеспечения своего государства. Путём иммиграции эту проблему не решить. Возникает реальная угроза исчезновения российской цивилизации, нации, прекращения её истории. Обесиленная и обезлюдевшая Россия вполне может стать и объектом вожделений, нападения иных государств, наций. В этих условиях нужна её научно-техническая модернизация, которая по силам «*классу мыслящих людей*». У нас же наука и система образования становятся жертвами примитивнейшей рыночной экономики. Последняя, до сих пор почивающая на лаврах нефтяного изобилия, сейчас не управляется даже предприимчивостью, правом и рынком, но группами «*сильных*» наверху и «*внизу*», из её коррупционного сообщества.

Уж если связывать судьбу страны с рыночной экономикой, то последняя сама должна быть основана на применении науки, научного познания, превращаемого в непосредственную производительную силу общества. По производительности труда, самому главному показателю *нового* общественного строя, сегодняшняя Россия в обрабатывающей промышленности уступает не только передовым государствам мира, как СССР, но уже и ряду *развивающихся* стран. Неизбежными *последствиями* этого являются вопиющее социальное неравенство, чудовищная эксплуатация, настоящий упадок культуры и нравственности, катастрофическое состояние системы образования и аналогичное положение науки. Для сравнения: в 2006 г. в России на науку расходовалось 10, в Китае – 136, в США – 330 млрд. долларов. Из страны *продолжается* отъезд молодых учёных за границу. Можно говорить и о *внутренней* «эмиграции» учёных – в другие сферы, относительно обеспечивающие жизнь и выживание людей.

Упомянутому превращению религии в «государство в государстве» способствует само государство. Это объясняется тем, что «по сути „государство” в нашей стране это своеобразный синоним правящего класса и тех механизмов, которые создаются этим классом для закрепления своего господства над обществом» [14, с. 43]. С ведома и при

поддержке государства в армию, в школу, в систему образования, в другие сферы проникают церковь, религия, религиозное мировоззрение и образование – как «государство в государстве». В умы молодых людей внедряются не только подлинные сведения о достижениях и неудачах человеческой цивилизации, науки и техники, идеи о высоком предназначении человека идти путём прогресса и восхождения, но и давно устаревшие, несмотря на попытки их обновления, религиозные представления, обусловленные нисходящей ветвью эволюции.

А ведь не всякие «новации» и «инновации» есть гарант восхождения. Ведь нисхождение тоже может происходить «инновационным образом» [30]. Церковь, религия, религиозное мировоззрение и образование здесь представляются ведущим условием существования, спасения или, как теперь говорят, выживания (а не развития, не прогресса) человека и общества. Предлагаемые религией и церковью технологии, рецепты смягчения сложившегося status quo ни в одной из сфер человеческой жизни не дают принципиальных ответов на *вызовы времени*. Они лишь латают старые дыры на старом сюртуке. Жизнь же требует идти вперед, в будущее, а не назад, в прошлое, где, согласно церкви, религии, религиозному мировоззрению и образованию, уже «имеются» все ответы на все возможные вопросы, которые следует лишь «адаптировать» к современности.

Религиозные идеи не способны *образовывать* людей и общество в направлении процесса восхождения, обеспечивающего «устойчивость развития», так как по своей сущности религия *привязана* к процессам нисхождения, порождалась и порождается ими, пролонгирует само их существование, предлагая свои, более чем ограниченные способы смягчения этих процессов нисхождения, деградации, вырождения. Тем не менее, религия будет существовать, пока остаётся противоречивость восхождения и нисхождения, она будет усиливаться, как в нынешнюю эпоху, в периоды натиска «негативной диалектики», как она усиливалась в эллинистический период упадка древнего мира. Её позиция сходна с позицией философов, подмечающих неблагоприятие в существующей действительности, но и не ищущих выходов за её пределы. Она лишь симулирует такие «выходы» – своими представлениями о потустороннем «мире», в котором обещает своим сторонникам «рай», легитимизируя, освящая, обожествляя деградационные процессы и порядки в земных условиях как соответствующие божественному «промыслу». В системе образования она способствует формированию симулирования познания и мышления.

3. Популизм религии и постнеклассическая наука

Как пример религиозной технологии упомяну попытку возродить в постсоветской России печально знаменитую «формулу Уварова» – например, Президентом РАО (Российской академии образования). Эта формула получает «популистскую» поддержку и в научных исследованиях [17]. А вот реакция на нее известного отечественного культуролога: «Когда нечто подобное высказывал с экрана телевизора во время предвыборной кампании Н. С. Михалков, можно было пожалеть плечами и пожалеть, что талантливый актёр и режиссёр говорит глупости, но серьёзной опасности для нашей культуры тут не было, потому что власти у него, слава богу, нет <...>. Нельзя без иронии воспринимать и телевизионные демонстрации того, как государственные деятели посещают храмы и ведут себя на богослужениях, потому что всем понятен смысл превращения атеистов советской формации в воцерковлённых христиан – такова логика поведения политических деятелей <...>» [15, с. 21]. При позитивном отношении к этим фактам они становятся *образцом* для подражания представителей всей вертикали власти, активно *пропагандируются* СМИ для массового распространения.

А ведь, по большому счету, вопрос стоит об историческом выборе России. И расклад в данном случае прост и очевиден: либо союз государства и церкви, и прощай надолго демократия, гражданский и научный прогресс, либо строгое и честное соблюдение принципов Конституции Российской Федерации как светского государства, легальная жизнь церкви в масштабах данных ей прав и свобод, и – в этом случае – повышение шансов на укрепление демократических основ общества, повышение конкурентоспособности страны в сфере качества жизни, экономики, науки и культуры [16, с. 3].

В связи с постановкой руководством Русской Православной Церкви вопроса «о внесении специальности „теология“ в перечень научных специальностей ВАК, о сохранении теологии как самостоятельного научного направления» и о внедрении преподавания религиозного мировоззрения в систему государственного образования страны, провозгласившей в Конституции светский характер государства, к его высшему руководству в 2008 г. обратилась целая группа академиков РАН (Российской академии наук). В частности, они писали: «Верить или не верить в Бога – дело совести и убеждений каждого отдельного человека. Мы уважаем чувства верующих и не ставим своей целью борьбу с религией. Но мы не можем оставаться равнодушными, когда предпринимаются попытки подвергнуть сомнению научное Знание, вытравить из образования „материалистическое видение мира“,

подменить знания, накопленные наукой, верой. Не следует забывать, что провозглашённый государством курс на инновационное развитие может быть осуществлён лишь в том случае, если школы и вузы вооружат молодых людей знаниями, добытыми современной наукой. Никакой альтернативы этим знаниям не существует» [27, с. 5]. Вопреки подобным усилиям преобладает и продолжается клерикализация страны. Примечательно выступление нынешнего Президента России Д. А. Медведева на совещании по вопросам преподавания в школе основ религиозной культуры и светской этики и введения в Вооружённых Силах Российской Федерации института воинских и флотских священнослужителей [13, с. 4–7]. Оно стало «окончательным реагированием» власти в постсоветской России и «дальнейшим наступлением» церкви, религии, религиозного мировоззрения и образования на школу, армию, науку и другие государственные учреждения, хотя это, пишет профессор МГУ В. А. Кувакин, «чревато катастрофой, выпадением России из мировой истории, исчезновением тысячелетней культуры. Вот и приходится говорить, что принято антиисторическое решение» [16, с. 5].

Надо отметить, что в основе подобных действий и представлений лежит предрассудок о том, что Бог есть «объективная реальность». Представляется, что теисты, да и атеисты, ошибаются, когда принимают Бога за объективную реальность. Впрочем, здесь говорить об «ошибке» теистов уже не имеет смысла, ибо религиозная вера выходит, как было показано, за пределы знания, в котором только и действует противоположность истины и заблуждения. Как только мы станем применять противоположность истины и заблуждения вне границ познания, специализированной области деятельности, «так эта противоположность сделается относительной и, следовательно, негодной для точного научного способа выражения» [45, с. 92]. Спор науки и религии предполагает выход уже в плоскость противоположности познания (и мышления) и альтернативного ему симулирования, которое отрицает альтернативу истина-ложность в целом, отрицает не только истину, но также и заблуждение как форму знания, т. е. как субъективный образ объективного мира. Ведь субъективно заблуждающийся человек всё ещё признаёт бытие, впрочем, как и тот, кто лжет. Для них весь вопрос состоит лишь в том, *соответствуют* или нет их представления объективной реальности. Лжец преднамеренно дезинформирует адресата, заведомо зная, что утверждаемое им не соответствует действительности.

К сожалению, спор науки и религии в такой плоскости сознательно не рассматривается, хотя фактически он всё чаще приобретает данную

интерпретацию в постсоветской России. Так, ярый сторонник религии М. О. Шахов настаивает на том, чтобы *оставить* религиозный подход в границах противоположности истина-ложь, исключить возможность их выведения за границы познания, исключить саму возможность отнести религиозные представления к «не истинным и не ложным»¹. В то же время он вынужден признать, что именно таким образом поступают в отношении религиозных представлений «нерелигиозные учёные»², которые выносят их за пределы альтернативы «истинности-ложности». Но это, как было показано, и означает, что речь надо вести уже о противоположности познавательного мышления, разумного познания, с одной стороны, и его симулирования, с другой.

Косвенно на альтернативность мышления (познания) и его симулирования указывает А. В. Болдачёв, когда пишет, что использование термина «Бог» «в логических (по определению ограниченных) высказываниях лишает последние какой-либо возможности быть истинными или ложными, быть доказанными или опровергнутыми. А утверждение понятия „Бог” в качестве основы познавательного процесса принципиально исключает возможность каких-либо логических построений – все продуцируемые высказывания о Мире получают сразу и автоматически и исчерпываются одним тезисом: „так захотел Творец»» [4, с. 8].

В плоскости именно этой альтернативы мыслящего познания, познающего мышления, с одной стороны, и их симулирования, с другой стороны, ныне «возобновились, казалось бы, давно ушедшие в историю публичные дискуссии между представителями научного и религиозного взглядов на происхождение мира (нередко выдаваемые за борьбу между

¹ «В религиозном знании наличествует система дескриптивных утверждений о существующем (естественно-тварном или сверхъестественном), которые по природе своей могут быть только истинными или ложными (здесь имеет место жёсткая дизъюнкция, исключающая возможность отнести их к „не истинным и не ложным”, к „бессмысленным” в позитивистском духе» [43, с. 66]. Но о какой *естественности* «тварного» может идти речь, если оно сотворено как раз не естественным, а Сверхъестественным, Богом?

² «В последнее время наблюдается новая тенденция в отношениях нерелигиозных учёных к теологии, к богословской мысли. Вместо объявления религиозного знания ложным, не соответствующим действительности учением о *реальности*, его провозглашают одним из многих, равно имеющих право на существование способов *субъективного восприятия реальности*, в отношении которых *не применимы* (выделено мной – М.П.) категории истинности-ложности, как в отношении художественного творчества. Вместо заблуждающихся богословы становятся просто интересными людьми с интересными мнениями» [43, с. 73]. Это значит, что богословы входят в альтернативную познанию сферу, отрицают не только истину, но и ложь с заблуждением.

истиной и заблуждением – М. П.). Бурное развитие физики, химии, астрономии в XIX и XX веках не только не принесло науке победу в этих спорах, а просто расставило всё на свои места. „Богу – Богово, кесарю – кесарево”, сферы религиозного и научных способов познания практически перестали пересекаться. И это цивилизованное сочетание двух взглядов на мир к началу XXI века стало не только характерно для общества в целом, но и вполне приемлемо для многих учёных» [4, с. 244].

Далее А. В. Болдачёв отмечает, что креационисты, оппоненты эволюционной биологии, отстаивая библейскую версию единовременного творения всех видов живых организмов, ограничиваются цитированием Библии и «неутомимым использованием универсальной формулы „такова воля Творца”, с помощью которой разрешаются все проблемы», используя в своих интересах проблемы, имеющиеся в дарвинизме и в его современном преемнике – синтетической теории эволюции. «Сущность дискуссии заключается не в обсуждении научной состоятельности теории Дарвина. Действительная проблема заключается в несовместимости двух форм, способов познания – научного и религиозного», – «научного, ограниченного требованиями однозначной логичности и проверяемости выдвигаемых гипотез, и религиозного, постулирующего абсолютное обоснование всех уже открытых и ещё неизвестных нам явлений» [4, с. 245]. Как видно, философскую подоплёку спора креационистов и биологов составляет тот же самый конфликт научного и религиозного как мышления и его симулирования. Поэтому они не поддаются оценочному сравнению по степени соответствия знания самой действительности, как истина и заблуждение. Невозможно утверждать истинность одной и ложность другой; «учёный», признавший в качестве научной гипотезу творения, *автоматически* выводит себя за пределы науки, по крайней мере, в биологии. Ведь трудно представить, что физик, предложивший какой-либо новый закон, на вопрос о его доказательстве ответит «такова воля Творца», а в подтверждение своей правоты станет рьяно убеждать всех в ошибочности формулы своего «конкурента».

Учёный может отрицать конкретную научную теорию, например, теорию Дарвина, но это не есть отрицание научности с её критериями «однозначности и проверяемости» теории. Наоборот, есть именно отстаивание научности и её критериев при обнаружении противоречий такого рода в теории Дарвина. Такое отстаивание означает, что достигнутый предел научного познания можно отодвинуть, если решать проблемы в пределах научности. А после «упоминания» воли творца ход познания останавливается или, наоборот, мгновенно продвигается в

бесконечность, что равносильно остановке, прекращению познания. В пользу религиозной веры.

За прошедшие века подобную «остановку» учёные могли произвести многократно. Однако всякий раз «кардинальное решение» о признании бессилия науки в пользу симулирующего познание вселилия религии откладывалось. И сегодняшнее столкновение биологической науки с серьёзными проблемами обоснования возникновения и эволюции жизни не есть повод отказаться от поиска логичных, разумных решений. Ведь если наука в отличие от обыденного познания проникает в сущность и законы объективной реальности, в содержание явлений и процессов, которое не дано непосредственно чувствам, а скрыто от них, то религия претендует на проникновение «за пределы», «по ту сторону» сущности, законов, объективной реальности. Не случайно, синонимом «сверхъестественного» является потустороннее, трансцендентное и т. п., указывающее на стремление разорвать «пути» мира объективной реальности, что сторонник религии выдаёт за «реализм» [43, с. 66–77].

Примечательно, что религия иррациональна, отвергает саму возможность опровержения своих богооткровенных «истин», «фальсификации», как пишет М. О. Шахов, религиозной веры научной рациональностью, выдвигающей ограничения на «отлёт мысли от действительности» со стороны научных экспериментов, требованием соответствия её научным экспериментам. Способность религии «не опасаться научной рациональности» он связывает с возможностью не буквального, а метафорического истолкования «сакральных текстов», с презумпцией на «реинтерпретацию» фальсифицирующих факторов, разумеется, в интересах сохранения религиозного мировоззрения¹.

Коль скоро Бог выходит за пределы объективной реальности, то он выступает и за границы познания, следовательно, самой альтернативы истинности-ложности (в отличие от противоположности «мышление–симулирование») в целом, ибо объективная реальность познаваема, а познаваемое относится к сфере бытия как объективной реальности. Иное

¹ Так М. О. Шахов представляет дело с «религиозными догматами, описывающими соприкосновение сверхъестественного и потустороннего мира, – для верующего они *неопровержимы, но потенциально опровергаемы*, хотя вероятность опровержения для религиозного человека равна нулю <...>. Век за веком сталкиваясь с фальсифицирующими событиями, библейская натурфилософия и библейская версия истории человечества не отвергалась, а реинтерпретировалась путём новых толкований, которые теологи объясняли как более точное уяснение смысла неизменно истинного Св. Писания. История христианской мысли демонстрирует, сколь труден и длителен был путь выбора между буквальным и иносказательным пониманием того или иного высказывания», поиск «верного соотношения аллегорического и буквального толкований» [43, с. 72].

дело – вера в Бога, остающаяся в границах объективной реальности, благодаря которой Бог как *представление*, как вера обнаруживается и в объективной и в субъективной реальности. Отрицая Бога, нельзя отрицать веру в него. А верующий ведёт себя так, как если бы Бог существовал. Как и всякое человеческое *представление* религиозная вера *действена*, принадлежит и человеческой голове субъекта, и *в(ы)ходит* в объективное существование.

Об этом отныне свидетельствует и постнеклассическая наука, поскольку она изучает *сверхсложные* системы, включающие человека, а тот в них полагает цель и вырабатывает стратегию её достижения, подбирая для этого соответствующие средства и методы. Причём целеполагающий человек не редуцируем к учёному, носителю достоверных или эпистемных научных знаний. Он может руководствоваться весьма разнообразными представлениями, включая и религиозные, вовлекаться как в прогресс, восхождение, так и в деградацию, вырождение. В последнем случае мышление подвергается «атаке» этих процессов, наделяется соответствующими чертами и вырождается, не переставая от этого быть мыслительным (= головным) процессом. Мышление и его антипод – симулирование – определяются (детерминируются) восхождением либо вырождением, которые порождают в их форме инструменты своей дальнейшей судьбы, детерминанты этих процессов. Это позволяет говорить об «автодетерминации» (= самодетерминации). Поэтому вовсе не случайно, что в условиях деградирующего бытия и быта россияне, оказавшиеся в условиях крайнего неблагополучия (задолго до нынешнего мирового кризиса) хватаются за религиозную «веру-соломинку» во всемогущего Спасителя подобно утопающему, в надежде как-то перескочить из неблагополучия в благополучие, из процессов вырождения и деградации в устойчивое восходящее развитие.

Религия, кажется, есть вообще единственное средство, которое способно обеспечить такое «перескакивание» в виду не разрешимых естественными технологиями проблем. Её разрастание связано с человеком, *не чувствующим* себя субъектом исторического процесса. Но разве чувствует себя таковым в постсоветской России или на постсоветском пространстве человек, например, на «выборах», которые давно превратились в «шоу», где не проводятся референдумы, на которых сами граждане могли бы принять решения по наиболее важным вопросам¹. Здесь и уместно высказывание С. Кьеркегора о том, что только

¹ Важнейшим остаётся вопрос о том, принимать или не принимать российскому народу итоги приватизации; до сих пор он не решён окончательно, решается не народом, а Президентом. Но ведь может прийти Президент с иным, чем нынешний, мнением.

глупые школьные учителя и такие же глупые гении совершают ошибки, искренне поверив, что *сами они и делают всё*; правда, его надо интерпретировать как иронию, каким оно становится с точки зрения развития, где доминирует восхождение, а не деградация. А в таком контексте и можно говорить уже о познающем мышлении или мыслящем познании, а не о симулирующей их альтернативе.

Верующий человек надеется и на «усилие веры». Образец такого усилия он видит, например, во Христе и стремится *повторить* это усилие. Согласно Ф. М. Достоевскому, дело доходит до того, что божественная преобразующая сила *становится* достоянием верующего человека, личности, что именно в ней Бог как *абсолют*, абсолютная преобразующая сила, становится Личностью. Вера и есть Личность в каждой, кажется, ограниченной человеческой личности. Если она *верует*. В неверующем – нет. Особенно верят в это политики, по крайней мере, они делают на это ставку. Ведь тогда и Бог не нужен, ибо человек (особенно политик) и есть Бог, по Слову которого станут двигаться горы, реки потекут вспять, бывшее станет не бывшим, ничего невозможного уже не будет, как мечтал Л. Шестов, как воображают в своей фантазии верующие, чтобы «отменить», например, объективные законы природы и истории (дескать, было же это доступно И. Христу – Богу и Человеку!).

В мировоззрении верующего *подлинная* действительность отождествляется с деятельностью, трудом, который в современной школе именуется «технологией». Действительность выступает в форме деятельности. Значит, чтобы проникнуть в *настоящую действительность* нужно почувствовать себя Хозяином мироздания, прорвавшись туда, где *делается* само бытие (=объективная реальность). На это и претендует религиозное мировоззрение. Только религия есть сверхъестественная, превращённая форма технологии, а не та земная, которая раскрывает активное отношение человека к природе, непосредственный процесс производства его жизни, её общественных условий и проистекающих из них духовных представлений, оказываясь в границах «автодетерминации» (=самодетерминации) мира объективной реальности, «снимающей» в себе (=собой) человеческий телеологизм, даже если он формально доминирует в сверхсложной системе.

В то же время, религиозное мировоззрение проникает в состав сверхсложных систем в качестве задающего высшие цели *реального* фактора. На это указывал Маркс, говоря, что в древности Молох, Аполлон Дельфийский, другие древнегреческие боги обладали

Только весь народ страны вправе принять *окончательное* решение по этому судьбоносному вопросу.

действительной силой у греков, поскольку те *верили* в них и действовали в соответствии с этими верованиями. Так же, подобно чипу, действовали и христианские представления, вошедшие в состав сверхсложных систем, в которых разворачивалась жизнь и деятельность людей. И такие сверхсложные системы познаёт современная, постнеклассическая наука.

Человеческая рефлексия над этими важными изменениями прошла несколько этапов. У Платона царство идей когда-то представлялось каким-то просто потусторонним земным явлениям фактором, чьё участие в земных процессах казалось ему проблематичным. У Гегеля Абсолютная Идея уже проникает внутрь творимой системы мироздания и объявляется её внутренним содержанием, наиболее глубокой сущностью лишённых сознания явлений природы и обладающего сознанием человека. Сегодня мы имеем дело со следующим шагом, связанным с выходом науки к рубежам познания сверхсложных систем, ставших предметом *постнеклассической* науки.

Однако понятие постнеклассической науки возникло в контексте эволюции науки, прошедшей путь от классической науки к неклассической и, далее, к постнеклассической [37, с. 457–459]. В таком историческом и логическом контексте и должны быть выявлены её особенности. Классическая наука, имея дело с системами механики, признание их существования независимыми от субъекта доводила до изоляции от деятельности человека. Поэтому она требовала изъять из содержания научного знания всё субъективное, отождествляя последнее с ошибочным, ложным, кажущимся. Ведь она обнаружила, что уже в процессе чувственного восприятия человек сталкивается с тем, что объекты порой *кажутся* ему не такими, каковы они есть на самом деле. Далее, в неклассической науке знание стали толковать как субъективный образ объекта, а познаваемые объекты – как функцию явления *самой* сущности (= объективное качество объекта), приплюсовывая к ней *вклад* со стороны познающего субъекта (= зависимость от строения и действия его органов чувств, языка и мысли). И в таком виде «субъективность» нашла выражение в *неклассической* науке и её объектах, в теории относительности и квантовой теории, где положение и исходные установки *наблюдателя* учитываются в самих условиях эксперимента, в математических формулах, отражающих физические закономерности. Но при таком подходе «субъективность» всё ещё представлялась *гносеологическим* феноменом, что не позволяло говорить о каком-либо «мнимом бытии».

Однако с переходом науки на постнеклассическую стадию черты «мнимости» проникают в само бытие вместе с человеком, выступая

аспектами самих изучаемых сверхсложных систем, поскольку в них вошёл человек, который может быть и бывает верующим. Свою веру он и привносит в изучаемую постнеклассической наукой сверхсложную систему. Отныне наука в таких случаях вынуждена считаться с религией как с *реальным* фактором в составе своих объектов – как бы непривычно это не звучало для учёного, психологически привыкшего, например, считать, что он познаёт, так сказать, истинное бытие, чему учили и всё ещё продолжают учить педагоги. Такое вхождение религии не делает её «истинной», она остается за пределами категорий «истина-ложь». Её вхождение означает вхождение в состав изучаемых наукой сверхсложных систем с человеком «симулирования», с которым вынуждена иметь дело постнеклассическая наука как с чем-то реальным, не имея возможности игнорировать религиозную составляющую в таких человекообразных объектах, ставших предметом исследования науки. Подчеркну, что в этом нет никакой мистики, ибо постнеклассическая наука стала изучать человекообразные системы, и она вынуждена рассматривать входящего в них человека во всей его сложности, вместе с его религиозными верованиями, которые принимают участие в мировых процессах. Именно так в состав бытия входит и мнимое бытие. По открывшемуся «каналу» В. Ф. Войно-Ясенецкий, например, даже *внутри* научной деятельности «инкорпорирует» православные представления [28].

Здесь возникает проблема, к представлениям какой науки – классической, неклассической либо постнеклассической – наиболее близки взгляды философов-досократиков, которые часто уподобляются представлениям классической науки. Представляется, что не менее близки взгляды философов-досократиков к представлениям *постнеклассической* науки, хотя их нередко ошибочно сближают с классическими научными представлениями, когда характеризуют их как натурфилософов или «физиков». Здесь надо в полной мере учитывать различие между «фюзис» античных мыслителей и «физическим» классической науки. Классическая наука и в XIX в. изучала простые системы, где «физическое» *исключало* «всё человеческое». Именно этим классическая наука отличалась от «фюзис» первых натурфилософских представлений, наоборот, *включавших* «всё человеческое» и его продукты. Сознание по отношению к таким системам натурфилософов *не было* внешне отражающим объективный мир, не вело к изоляции объекта от деятельности субъекта и, соответственно, к упрощённой материалистической концепции. Скорее сознание представлялось здесь в порядке автодетерминации мира в целом, его самодетерминации, и такое представление стало общеантичным учением у досократиков.

Например, согласно Гераклиту, существует сверхсложный космос, один и тот же для всего существующего, следовательно, включающий и самого человека с результатами его деятельности, соответствующей мышлению и/или его симулированию, против которого он обрушивался, предлагая своё учение о мышлении. На таком фоне (вхождения человека в сверхсложные системы, что привносит в них помимо детерминизма черты телеологизма, формально, быть может, доминирующего в таких системах) особенно видно величие его учения о Логосе, предполагающее *самодетерминацию* Космоса, который не создал никакой бог и никакой человек, которому свойствен соразмерный именно Космосу логос, закон, порядок движения как способа его субстанциального, самостоятельного существования. Таков зародыш *общеантического* представления о мире и его познании. Этот зародыш характерен уже Фалесу. И это философское представление выделит в дальнейшем из себя, как свои *несамостоятельные* моменты, классическое, неклассическое и постнеклассическое знание в сфере науки по мере её «отпочкования», обретения самостоятельности от философии. Поэтому вовсе не случайно, что Фалес не освободился от мифологического мышления, что он мог рассматривать воду как живую и обладающую душой, не проводил различия между силой и веществом, что для него природа, *physis*, была самодвижущейся («живущей»), что он не различал дух и вещество. Для Фалеса, как и Гераклита, понятие «природы», *physis*, было очень обширным и сверхсложным, наиболее близко соответствующим современному понятию «бытие» в его «автодетерминации».

К сожалению, в современной эпистемологии до сих пор нет обобщающего представления о науке классической, неклассической и постнеклассической. Как правило, постнеклассическая наука *отрывается* от науки классической и неклассической и *противопоставляется* им, как бы это ни противоречило диалектике развития. Представляется, что эпистемологии ещё предстоит выработать *обобщённую* модель науки, охватывающую собой черты классической, неклассической и постнеклассической науки, *преодолевающую* отрыв и противопоставление постнеклассической науки по отношению к классической и неклассической. Ведь такой отрыв и противопоставление, который ныне повсеместно распространён в исследованиях, *вытесняет* из науки и её образа позитивные достижения более ранних «научных формаций». Ведь, с другой стороны, в своё время классическая и неклассическая наука также приводили к невероятным открытиям, решали проблемы и улучшали жизнь людей. Они и до сих пор входят в состав науки и решают те или иные проблемы, с которыми сталкивается человек. Они всё ещё способны отвечать на «вызовы времени». Нельзя

представлять их себе состоящими из одних недостатков, подлежащих преодолению, должно выявить и удержать их существенные и значимые моменты. Нельзя забывать, сколькими открытиями и изобретениями обязано человечество классической и неклассической науке. Они – полноправный элемент современной ступени научного познания, всё богатство содержания которого нельзя сводить к «постнеклассической науке». Постнеклассическая наука есть не идеал науки, но идеализация, позволяющая вычлнить в современной науке те черты, которые не обнаруживала наука классическая и неклассическая. В этих идеализациях представлены существенно различные модели объектов исследования, полученные путём *анализа*, который должен быть дополнен *синтезом*. Все эти модели были предметом осмысления у философов-досократиков, эксплицитно не всегда дифференцировавших их друг от друга.

Общие выводы

1. В ходе исследования эксплицировано принципиальное отличие от «онтологии знания» «онтологии веры», как отличие от познания и признания бытия «забвения бытия», утопающего в превращённой форме технологии, основанной на перенесении «борьбы за существование» из природы в общество «с удесятерённой силой», проистекающей из общественного характера технологии, оборачивающейся *против* самих производителей.

2. Показана укоренённость религиозного мировоззрения и деятельности в противоречивости развития и доказано, что религия возникает «на базе» негативной диалектики, связана с нисходящей ветвью эволюции, будучи фактором её «автодетерминации».

3. Выявлены черты популярности религии в условиях современной постнеклассической науки и доказано, что религиозные представления выходят за пределы характерной для познания категориальной противоположности «истинность-ложность», выходят в границы противопоставления познания (и мышления) и его симулирования, будучи превращённой формой последнего.

Литература

1. <http://www.russian-orthodox-church.org.ru>
2. *Арнобий*. Против язычников. – СПб., 2008.
3. *Бердяев Н. А.* Дух и реальность // *Бердяев Н. А.* Философия свободного духа. – М., 1994.

4. *Болдачёв А. В.* Новации. Суждения в русле эволюционной парадигмы. – СПб., 2007.
5. *Гаспарян Д. Э.* Социальность как негативность. – М., 2007.
6. *Гегель Г. В. Ф.* Энциклопедия философских наук: В 3 тт. – Т. 1. Наука логики. – М., 1974.
7. *Гончаров В. П.* Проблема взаимоотношений науки и религии // *Философия и общество.* – 2009. № 2.
8. *Гумилёв Л. Н.* Конец и вновь начало. – М., 1994.
9. *Гурко Е. Н.* Призраки Маркса // *Постмодернизм: Энциклопедия.* – Минск, 2001.
10. *Гусейнов А. А.* Учение о житии Александра Зиновьева // *Вопросы философии.* – 2008. – № 7.
11. *Ефремов Ю., Оскотский З.* Развитие науки – или национальная катастрофа // *Здравый смысл.* – 2009. – № 4 (53).
12. *Запесоцкий А. С.* Телевидение: враг педагога или брак педагога? // *В защиту науки.* – М., 2009. – № 5.
13. *Здравый смысл.* – 2008. – № 4 (45).
14. *Иноземцев В.* Природа и перспективы путинского режима // *Свободная мысль.* – 2007. – № 2.
15. *Каган М. С.* Тревога о будущем нашей школы. К проблеме взаимоотношений педагогики, политики и религии // *Здравый смысл. Журнал скептиков, оптимистов и гуманистов.* – 2007. – № 3 (44).
16. *Кувакин В.* Православное рейдерство // *Здравый смысл. Журнал скептиков, оптимистов и гуманистов.* – 2008. – № 4 (45).
17. *Кувшинова Н. В.* Нравственные основания мировоззренческих идей Н. М. Карамзина. Дисс. на соиск. уч. ст. канд. филос. наук (спец. 09.00.05 – этика). – Шуя, 2009.
18. *Кураев Андрей, диакон.* Вызов экуменизма. – М., 2008.
19. *Кьеркегор С.* Заключительное ненаучное послесловие к «Философским крохам». – СПб., 2005.
20. *Ленин В. И.* Материализм и эмпириокритицизм // *Полн. собр. соч.* – Т. 18. – М., 1973.
21. *Лифшиц М.* Диалог с Эвальдом Ильенковым: Проблема идеального. – М., 2003.
22. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. – Т. 1. – М., 1963.
23. *Маркс К., Энгельс Ф.* Из ранних произведений. – М., 1956.
24. *Михайлов М. И.* Идея Бога в христианстве и её эстетическое значение // *Мировоззренческая парадигма в философии: Религия, pro et contra: В 2 ч.* – Ч. 2. – Нижний Новгород, 2009.
25. *Нижегородская сторона.* Учебное пособие по литературному чтению. 4 класс. В 2 ч. /Автор-составитель В. Ф. Одегова. – Н. Новгород, 2009.
26. *Пажитной А. М.* О диалектике ускорения прогрессивного развития (К постановке вопроса) // *Труды Иркутского политехн. Ин-та.* Вып. 29. Серия обществ. Наук. Философия. 1966.

27. Политика РПЦ: консолидация или развал страны? Открытое письмо Президенту Российской Федерации В. В. Путину // *Здравый смысл*. – 2008. – № 4 (45).
28. *Попова В. В.* Этические воззрения В. Ф. Войно-Ясенецкого. Дисс. на соиск. уч. ст. канд. филос. наук (спец. 09.00.05 – этика). – Шуя, 2009.
29. *Поршнев Б. Ф.* О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии). – М., 1974.
30. *Прохоров М. М.* Инновация и старые проблемы новизны // *Вестник Российского философского общества*. – 2007. – № 2 (42).
31. *Прохоров М. М.* Философия и симулирование // *Вестник Российского философского общества*. – 2008. – № 4 (48).
32. *Реале Дж., Антисери Д.* Западная философия от истоков до наших дней. I. Античность. – М., 1994.
33. Родная речь. Учеб. для 4 кл. нач. шк. В 2 ч. Ч. 1. [Сост. Л. Ф. Климанова и др.]. – 3 изд. – М., 2008.
34. *Сокал А., Брикмон Ж.* Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодернизма. – М., 2002.
35. *Соколов В. В.* Субъектно-объектная парадигма как стержень выявления единства историко-философского процесса // *Философия и общество*. – 2009. – № 3.
36. *Соловьёв В. С.* Смысл любви // *Сочинения: В 2 т. – Т. 2.* – М., 1988.
37. *Степин В. С.* Наука // *Новейший философский словарь*. – Минск, 1998.
38. *Тихонова Н.* Социальная структура современной России // *Свободная мысль*. – 2007. – № 11.
39. *Франк С. Л.* С нами Бог. – М., 2003.
40. *Франк С. Л.* Свет во тьме // *Франк С. Л.* Духовные основы общества. – М., 1992.
41. *Хайдеггер М.* Что зовётся мышлением. – М., 2007.
42. *Шахов М. О.* Возможен ли переход от знания о сущем к знанию о должном? // *Вопросы философии*. – 2009. – № 11.
43. *Шахов М. О.* Реализм как общая основа религиозного и научного знания // *Вопросы философии*. – 2008. – № 10.
44. *Энгельс Ф.* Диалектика природы. Введение // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. – Т. 20. – М., 1961.
45. *Энгельс Ф.* Мораль и право. Вечные истины // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. – Т. 20. – М., 1961.

